

Двадцать дней до летнего солнцестояния

Благословенные земли без дипломатов — всё равно что глаз без века — слишком опасно существовать без этого мягкого щита. Слишком много независимых городов ютится на совсем небольшой территории. И каждый обладает своими интересами, и у каждого есть чем поживиться. Десятки лет мелких, но изнурительных междоусобиц ясно дали понять: пока не придут те, кто сможет уладить любую проблему без рук — так и будет проливаться кровь из-за внезапно установленной кем-нибудь непомерной пошлины на большой дороге.

Коловрат слышал с детства, что «светлая голова да умное слово кинжал сломят». И он очень гордился, что посвятит жизнь такому важному и нужному делу. Однако вместо напряжённых переговоров, от которых могли бы зависеть судьбы городов, на данный момент выслушивал соромные частушки, распеваемые на пять голосов:

— Любомира-Растопыра спутала с попойки! Жениха на цепь садила, а с медведем в койку!

Приключений у Любомиры-Растопыры было великое множество, некоторые из них кончались для её безымянного жениха весьма печально. Но каждый раз она, по-видимому, умудрялась находить себе нового.

Не столь искушённый в этом искусстве Коловрат сидел на репетиции, внимательно вглядываясь в скоморохов. Проклятая Трезора мало того что расстроила все планы, так ещё и выставила Коловрата дураком. Подглядела, что ли, в будущее насчёт его намерения, да убежала подобра-поздорову? А кто бы не убежал? Нет, это Коловрат сглупил — начитался про обряд да побежал хватать первую встречную, головой не подумав. А меж тем, под боком Коловрат имел целое полчище необходимых ему человеческих мастеров.

—Добронрав! — окликнула Морена одного из исполнявших частушки. — Ленишься.

— Что ж поделать, матушка? — отозвался бородатый мужичок. — Вечер уж, умотался.

— А кому ты умотавшийся нужен? Вон, и послабже тебя и есть, а ничего, не киснут.

С приструнённым Добронравом певчие окончили свой номер, чем заслужили удовлетворённый кивок матери Морены. В большом шатре столпились участвующие в увеселениях от лица делегации из Гелиограда, и, несмотря на прохладную ночь, внутри шатра было невыносимо душно. По краям от центра толпились кучками скоморохи, с ленивым видом переговариваясь о пустяках — жаловались на утомительные дни дороги между городами, обменивались занятными историями, произошедшими с ними на их яркой службе, и перемалывали свежие сплетни. Этот гул не стихал ни на минуту, только вежливо переходил на ропот, когда говорила Морена — все были слишком измучены и дорогой из Градомудрища в Зельце, и ночным смотром, чтобы поддерживать тишину.

В центр вышли актёры со сценками из жития богов. Коловрат презрительно скривился, глядя на их представление — так становится не мила любимая песня, когда слышишь её из уст неприятеля. Житие богов особенно увлекало Коловрата в детстве, а со временем стало личным воплощением его мечтаний и страхов. Сценки, которые он теперь видел, больше походили на поругание всего святого.

Наконец актёры закончили свое представление, и из толпы неуверенно отделилась белёсая тень.

— Фима, у тебя есть что показать? — строго оглядела его Морена.

— Я это слово! — бедняга совсем побледнел, слыша смешки в ответ на свою дурную манеру речи.

— Тебе воспретили петь в Градомудрище, и в этом есть доля...

— Пусть выходит. — Вдруг вмешался Коловрат, перебив Морену. — Зельце это не Градомудрище, здесь равно почитают и тоску, и радость. К тому же, песни у него иноземные, хоть что-то новое, а не одно и то же годами. — Упрёк его был направлен, конечно, сценкам из жития богов.

На то, чтобы присутствовать и вмешиваться в рутинный процесс он имел полное право, чем иногда и пользовался. Не от большого знания дела, но для обозначения собственного присутствия.

Взгляд Фимы был переполнен страхом и обидой, что было немудрено — пары неудач могло хватить, чтобы другие паяцы заняли его место, оставив без корки хлеба. Незадачливый лафинист робко поглядел на Коловрата, который дал ему шанс так же легко, как в прошлый раз вычеркнул его из праздника в Градомудрище.

Покуда лафина рассказывала печальную историю под аккомпанемент загадочных флипсианских строчек, Коловрат ещё раз внимательно прошелся глазами по всем присутствующим. Сперва он оценил танцовщиц: это были стройные, но в то же время сильные и ловкие девушки, истинные красавицы по меркам Гелиограда. Только вот они смотрели на Коловрата скорее с недоверием, чем с требующимся по положению уважением. Последнее, впрочем, относилось почти ко всем скоморохам. Закусив губу, Коловрат понимал, что нет смысла и пытаться завалить кого-то милостями со своего барского плеча — такое безрассудство скорее насторожило бы и оттолкнуло паяца, на коего пал бы такой выбор.

Конечно, кто-нибудь и принял бы своеобразные ухаживания, с готовностью даже послужить в ответ, однако для обряда похорон сердца, сердце требовалось любящее. Такое с очень малой надеждой всё же рассчитывал найти Коловрат в ком-нибудь из этой трупы. Однако сейчас всё больше склонялся к тому, что придется прибегнуть к привороту. Едва ли кто-то без притворства найдёт его милым своему сердцу.

Погрузившись в тяжёлые размышления, Коловрат не заметил, как закончил петь Фима. В центр вышли теперь удалые акробаты, и, несмотря на то что обычно Коловрат засматривался на эти опасные прыжки и перевороты, сейчас что-то заставило его оглянуться в дальний угол. Там он наткнулся на красноватые круглые глаза флипсианца Фимы. Тот стоял немного поодаль ото всех остальных и разглядывал Коловрата с застывшим вопросом во взгляде, беззастенчиво прямо, не как человека, но как незнакомое явление, от коего ещё не знал, чего ожидать. Коловрат кивнул ему в ответ, и Фима, словно опомнился, быстро опустив глаза в пол.

Коловрат хмыкнул, скрестив руки на груди. Косноязычный Фима был слабым, в чужом краю он был одинок, а из родной страны сбежал явно не от хорошей жизни. Разве не было в его жалком взгляде надежды? Жажды защиты? А уж обеспечить ему защиту было проще простого.

Коловрат задумался.

Крытая телега с мерным скрипом давала обманчивое ощущение покоя, пока колесо не наезжало на очередной ухаб, грубо встряхивая содержимое воза.

Трезора смотрела на женщину, сидящую напротив. На коленях она держала небольшой лоскут ткани с вышивкой, лицо её было до того умиротворенным и полным наслаждения, словно она смотрела на спящего любимого отпрыска, а не на голубые витиеватые узоры. Впрочем, её зеленоватые, влажные будто от слёз глаза почти всегда выражали какое-то тёплое экзальтированное безразличие. Женщину звали Гасава. Большого Трезоре узнать не удалось — Гасава непрозрачно намекнула, что готова рассказать всё что угодно, но только если беглянка в свою очередь тоже откроет, кто она и откуда.

— Заскучала уже? — Откинув назад густую чёрную косу, Гасава подняла голову. Не то из-за орлиного носа, не то из-за залёгших вокруг глаз морщинок, взгляд её оказался всеобъемлюще мудрым, будто она знала что-то, что не знал больше никто. — Потерпи, скоро не до скуки будет.

— Отчего же? — спросила Трезора, немало удивившись. Встретив Гасаву, она не почувствовала в грядущем никаких сюрпризов, которыми могло бы обернуться соседство с этой женщиной.

— Да разве можно угадать от чего? — загадочно ответила она.

Трезора чуть было с вызовом не ответила, что очень даже можно, но такое утверждение могло ненароком выдать одно её интересное умение.

За дар свой она боялась больше всего — прочитала в своё время, что особо ярые почитатели того или иного бога недолюбливают человеческих мастеров. Да и адептов других церквей тоже. А встретить попутчиком слугу Натсиян Трезора не рассчитывала.

Вскоре телега остановилась. Стих настойчивый скрип колёс, Трезора услышала, как галдели вдалеке птицы и фыркала лошадь, озадаченная внезапной остановкой.

— Посиди пока здесь. — Сказала Гасава, выходя на наружу.

Сидеть на месте она не стала. Немного обождав, Трезора высунула голову из воза. Она осторожно, чтобы не было заметно по тряске воза, спустилась на землю и глянула из-за угла телеги. Увидела она только сгорбленную спину извозчика.

— Спасибо, матушка-заступница! — послышался звон монет. — Возьмите, смилуйтесь!

— Да благословенен будет Ваш путь. — Негромко и мягко ответила Гасава, после чего послышались шаги — она обходила телегу.

Трезора, смекнув, что это идут за ней, тут же запрыгнула обратно в воз. Стало быть, старик извозчик заплатил Гасаве? Но на глазах Трезоры эта женщина всю дорогу преспокойно сидела внутри воза, естественнее было бы взять деньги с неё.

— Выходи, дорогая. Дальше идёт развилка, ан извозчик поедет в свою деревню, а мы пойдём дальше по большой дороге.

— Не называйте меня «дорогая». — Фыркнула Трезора, а затем с иронией усмехнулась. — Я девка простая.

На Трезоре и впрямь был самого простого кроя сарафан, который она украла среди сушившегося белья у какого-то крестьянского дома — так и пришлось версту в сыром отшагивать, покуда не досохла. Своё же темное платье, скромно расшитое золочёными нитями, она выбросила неподалеку.

Гасава передала своей спутнице один из трёх сидоров¹, и они пошли своей дорогой. Местность, к счастью, была лесистая, так что солнце казалось не таким уж и палящим.

— Тебя уже, знать, родители обыскались. — Невзначай сказала Гасава.

— Я к ним вернусь... немного погодя. — Желание поболтать всё же взяло верх. Однако Трезора решила не выдавать лишнего и следовать своей легенде.

— А для чего убежала?

— Не для чего, а от кого. Замуж меня выдать хотели.

— Замуж? Да рановато тебе ещё в жены. — Слегка удивлённо отозвалась Гасава.

— И я об том же! Я покамест прячусь, жених тем временем и уедет... в соседнюю деревню свою. — Она усмехнулась тому, как в ее рассказе крупнейшие города с легкостью превратились в деревушки.

От Коловрата Трезора сбежала не из одного нежелания так рано расставаться с вольной жизнью. Как говорила мать, дар у Трезоры был слишком самолюбивым — она могла предчувствовать только то, что касалось её самой напрямую. Только Трезора увидела пришедшего свататься Коловрата, сердце её сжалось с таким ужасом, что ей даже не захотелось попробовать заглянуть в будущее, чтобы узнать, что конкретно ей грозит. Уж точно ничего хорошего.

Да и последующие визиты милого жениха испугали её ещё пуще и без всяких предвидений — вёл себя Коловрат наедине гадко и непредсказуемо.

— А кто твои родители? — благосклонно спросила Гасава.

— Простые люди — Трезора увидела, что ответ её вызвал удивление. Здесь её легенда давала трещину: она понятия не имела, чем могут заниматься простые люди, и поспешила замаять этот вопрос.

— А долго нам ещё идти? Или мы ждём попутную телегу?

— И то, и другое. Идём, чтобы времени зря не тратить, а сколько ждать попутной телеги, я тебе сказать не могу. Может, через четверть часа явится, а иной раз и сутки никого не видать.

Лес, обступавший дорогу по обе стороны тесными рядами казался гораздо гуще и пестрее, чем родные леса близ Градомудрища. Возможно, Трезоре так виделось лишь оттого, что она впервые была так далеко от дома. Но какими бы завораживающими ни были новые места, спустя некоторое время сидор стал-таки неприятно давить на девичьи плечи. Однако из некоего упрямства Трезора гордо не просила передышки.

— Слышишь? — Вдруг спросила Гасава, когда её юная спутница уже десятый раз споткнулась на изрытой корнями дороге.

— Что слышу? — Трезора прислушалась, но среди шума листвы и пения птиц ничего не различила.

— А ты обернись.

Оглядывая дорогу позади, Трезора увидела вдалеке небольшое темное пятно, она напрягла глаза сильнее и смогла разглядеть — или же ей это только показалось — повозку, едущую вслед за ними.

Повозка ей не понравилась. Трезора воззвала к своему ясновидению, но ничего кроме тупого давящего страха от своего нутра она не добилась.

— Вы хотите, чтобы мы попросились поехать с ними?

— Да. — Ответила Гасава, внимательно глядя на Трезору.

— Гина Гасава... — оробевшим голосом произнесла она. — Стоит ли? А коли там плохие люди?

— Откуда ты это взяла? — Ласково спросила она. — Предыдущий извозчик был милейшим человеком.

— Это не значит, что эти не могут быть разбойниками! — по мере приближения повозки, страх Трезоры нарастал, ей уже хотелось разрыдаться и всё рассказать Гасаве. Или убежать. Всё равно эта тетка была какая-то странная, раз ей платят незнакомые мужики за то, что она сидит у них в возу!

— Всё будет хорошо. — Гасава мягко улыбнулась и её глаза блеснули. — Моё слово.

Она махнула рукой, и повозка, поравнявшаяся с ними, остановилась.